

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ
ФАНТА

ЗОЛОТАЯ
ФАН

ЗОЛОТАЯ
ФАН

ФРЭНК
ГЕРБЕРТ

ДЮНА
ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ

Фрэнк Герберт

Дюна. Первая трилогия

«Издательство АСТ»

1965, 1969, 1976

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Герберт Ф.

Дюна. Первая трилогия / Ф. Герберт — «Издательство АСТ»,
1965, 1969, 1976

ISBN 978-5-17-087261-9

Спустя 24 тысячелетия человечество не изменилось: все те же войны и интриги. В далекой мультигалактической империи враждуют два великих дома – Атрейдесы и Харконнены. Последним удается склонить Императора на свою сторону, и юного наследника дома Атрейдесов – Пола – вместе с семьей высылают на далекую и пустынную планету Арракис, называемую также Дюной. Ужасные бури, гигантские черви, жестокие фанатики, фримены, и единственный во всей Вселенной источник Пряности, важнейшей субстанции в Империи, – таков новый дом Пола. Впереди его ждет сражение не только за Арракис, для чего ему придется стать лидером фрименов под именем Муад'Диб, но и за будущее существование своего Дома. В 1984 году роман «Дюна» был экранизирован культовым режиссером Дэвидом Линчем, а в начале XXI века по нему было снято несколько мини-сериалов. Первая трилогия культового цикла под одной обложкой!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-087261-9

© Герберт Ф., 1965, 1969, 1976

© Издательство АСТ, 1965, 1969, 1976

Содержание

Дюна	6
Книга I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фрэнк Герберт

Дюна. Первая трилогия

Frank Herbert

DUNE

Copyright © 1965 by Frank Herbert

DUNE MESSIAH

Copyright © 1969 by Frank Herbert

CHILDREN OF DUNE

Copyright © 1976 by Frank Herbert

© П. Вязников, Ю. Соколов, А. Анваер, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АСТ», 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Дюна

Перевод П. Вязникова

Книга I Дюна

* * *

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, – вот место Муад'Диба, вовеки.

Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан

За неделю до отлета на Арракис, когда суэта приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пола.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пола, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину – та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалывшаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

– Не маловат ли он для своих лет, Джессика? – спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал, как расстроенный балисет.

Мать Пола ответила своим мягким контральто:

– Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

– Слышала, – проскрипела старуха. – Но ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Ага, он проснулся и слушает! – Старуха всмотрелась в лицо мальчика. – Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квисатц Хадерах – тогда... впрочем, посмотрим.

Пол, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала – глаза старухи – увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

– Спи, спи пока спокойно, притворщик, – проговорила старуха. – Выпись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пола в коридор, и захлопнула дверь.

Пол лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов. Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать – Бене Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдеса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправится туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пола шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги Дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом – он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья, Пряности, меланжи – контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы – и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава – основа зависти владык», – сказал тогда Хават. *Арракис – Дюна – Планета Пустыни...*

Пол спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользящие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина – торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пол даже в забытии чувствовал, что не забудет это видение – пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пол лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет каидов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» – не внесенные в имперские переписи...

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пол почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха – и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: *... аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой нервной и кровеносной систем – согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое – все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...*

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пола.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пол почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суета. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны, и зеленые глаза торжественно-строги.

– Проснулся? – спросила она. – Хорошо выспался?

– Да.

Пол пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом – гербом дома Атрейдес – на нагрудном кармане.

– Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

– Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

– Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она – личная Правдовидица Императора. И, Пол... – мать на мгновение умолкла, – Пол, ты должен рассказать ей о своих снах.

– Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

– Мы еще не получили его. Он не наш... – Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. – Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пол сел, обхватил колени.

– А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Полу заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

– Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

– Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! – думала Преподобная Мать. – Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе – левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пол коротко поклонился: по этикету – «приветствие того, в чем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

– А он осторожен, Джессика, – промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули – от страха. Затем она вновь овладела собой.

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – в который раз подумал Пол.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица – как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные, как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос,

разрез прямо смотрящих зеленых глаз – наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. *Этот* дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» – подумала Преподобная.

– Одно дело учение, – сказала она, – совсем иное – основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессика короткий взгляд.

– Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пола.

– Преподобная, я...

– Ты знаешь, Джессика, что *это* необходимо.

Пол озадаченно посмотрел на мать. Та выпрямилась.

– Да... конечно...

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

– Пол, – Джессика глубоко вздохнула, – испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

– Испытание?

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пол, сдерживая гнев, спросил:

– Можно ли отсылать леди Джессика, как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

– А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. – Старуха покивала. – И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пол повинился прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», – подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

– Ты видишь это? – сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пол увидел, что одна из граней открыта – внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

– Вложи сюда руку, – приказала старуха. Почувствовав внезапный укол страха, Пол отшатнулся, но старуха остановила его:

– Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пол почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пол заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

– Стой! – каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пола вернулся к лицу старухи.

– У твоей шеи я держу гом джаббар, – отчетливо произнесла она. – Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пол попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица – сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

– Сын герцога должен кое-что знать о ядах, – сказала старуха. – В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные и те, что посередине. Этот яд – новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

– Ты смеешь предполагать, что сын герцога – животное?! – гневно спросил Пол.

– Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – усмехнулась она. – Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

– Кто ты? – прошептал Пол. – Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харконненам?

– Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. – Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

– Недурно, – сказала она. – Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри – живешь. Выдергиваешь – умираешь.

Пол глубоко вдохнул, усмиряя дрожь.

– Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

– Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание, теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пол судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пол почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

– Начинай, старуха, – надменно сказал он.

– Старуха! – каркнула она. – А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж, посмотрим... – Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: – Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее – я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку – и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

– Что в этом ящике?

– Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. *Что можно испытать таким образом?* Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

– Ты слышал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

– Зачем ты делаешь это? – спросил Пол.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пол сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пол скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание – и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пол ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кул вахад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... – Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. – Ну что же, вынь руку, *человек*... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пол взгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

– Ну же! – прикрикнула старуха.

Пол рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

– Боль вызывается невроиндукцией, – объяснила старуха. – Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штуки... – Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

– Но боль... – начал Пол.

– Боль! – фыркнула Преподобная. – Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пол почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

– Ты и с моей матерью это проделывала?

– Видел, как просеивают песок сквозь сито? – спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. *Песок сквозь сито*... Он кивнул.

– А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

– И все, что вам для этого надо, – боль? Это единственный критерий?

– Нет. Я наблюдала не за болью – за тобой в боли. Боль, мальчик, – это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание – это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пол кивнул:

– Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомнив себе: «Надежда мешает вниманию».

– Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

– Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

– Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

– Предпочитаю стоять.

– А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

– Я – не она.

– Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? – Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было невероятное напряжение. Увидев Пола, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

– Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? – спросила старуха.

– Я люблю и ненавижу одновременно, – откликнулась Джессика. – Ненависть – это причиненные тобой страдания. А любовь...

– А любовь – суть, только и всего, – сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. – Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив – и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и – реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пол посмотрел на мать. «Старуха не соврала», – решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пол чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

– Может быть, настанет день, – произнесла старуха, – и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пол снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пол чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримосуществующим и увлечет куда-то выше...

– Но зачем вы испытываете людей?

– Чтобы освободить их.

– Освободить?

– Когда-то человечество изобретало машины – в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин...

– «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», – процитировал Пол.

– Верно, так заповедовано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума *человеческого*». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

– Я *учился* вместе с Суфиром Хаватом.

– Великий Джихад лишил человечество костылей, – промолвила она. – Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека – именно человеческие способности.

– Ты говоришь о школах Бене Гессерит?

Она кивнула.

– От школ того времени сохранились две: Бене Гессерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бене Гессерит интересуется нечем другим...

– Политика, – утвердительно сказал Пол.

– *Кул вахад!* – воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

– Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Полу.

– Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... – проворчала она. – Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных – для наших евгенических программ.

... Внезапно слова старухи потеряли для Пола свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

– Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

– Однако их генетические линии занесены в наши книги, – ответила старуха. – Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

– Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

– Некоторые из нас знают своих родителей, другие – многие! – нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пол почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

– Много же вы на себя берете, – проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика – она не ослышалась?

– У нас тяжелая ноша, – ответила она.

Пол чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

– Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек – гом джаббар?

– Пол, – остерегла его Джессика, – ты не должен разговаривать таким тоном с...

– Я сама разберусь, Джессика, – оборвала ее старуха. – Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правовидиц?

– Его принимают для усиления способности распознавать обман, – отвечал Пол. – Мать рассказывала мне о нем.

– А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

– Никогда.

– Снадобье – опасный наркотик, но он дает проницательность, и... Когда Правовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. – В ее голосе прозвучала печаль. – И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

– Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

– Да – тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь – Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

– Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правовидению?

– Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

* * *

Пытаться понять Муад'Дибя без того, чтобы понять его смертельных врагов – Харконненов, – это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это – попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это – невозможно.

Принцесса Ирулан. «Жизнь Муад'Дибя»

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, унизированной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета. Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло – они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой – розовое с зеленым – крышкой из окаменевшего элаккового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспособившиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темно-волосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

– Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

– Вне всякого сомнения, мой барон, – ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустила на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготавливались для богатых коллекционеров и назначен-

ных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочными белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

– Прошу сосредоточиться, – пророкотал бас. – И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге – все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это – Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

– И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что *он* отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

– Не говори ерунду, – пробурчал барон. – Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

– Ну, что там? – нетерпеливо окликнул барон.

– Глупец ответил нам, мой барон!

– А когда это Атрейдесы упустили возможность сделать красивый жест?.. – сказал барон. – Ну и что же он пишет?

– Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» – ни «Сир и дражайший кузен», ни титула – ничего!

– Харконнен – достаточно хорошее имя, – проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. – Что же изволит сообщить дорогой Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

– Это все?

– «Старинное искусство канли имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». – Питер засмеялся. – Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

– Замолчи, Питер, – спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. – Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, – специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

– Вы сделали попытку к примирению, – заметил Питер, – таким образом, приличия соблюдены.

– Ты излишне болтлив для ментата, Питер, – одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-ассассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза – темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка прорезала лицо Питера – под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

– Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига – заставить Лето сменить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это – приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

– У тебя словесное недержание, Питер, – холодно сказал барон.

– Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы – вы ревнуете.

– Питер! – рявкнул барон.

– Ахх-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

– В один прекрасный день я велю тебя удавить.

– Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin!¹ Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

– Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

– Барон удивлен, когда правду говорят без страха. – Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурю маску. – Ах-ха... Но видите ли, мой барон, я – ментат и заранее почувствую, когда вы наконец соберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться. Преждевременная расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают – мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

– Фейд, – внезапно окликнул барон, – я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

– Конечно, дядя. – Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

– Питер иногда поражает меня, – заметил барон. – Временами мне приходится причинять страдания – по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

– Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? – поинтересовался Питер. – Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости, а...

– Ну нет! Герцог должен *увидеть*, как я стану воплощением его судьбы! – воскликнул барон. – И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет большая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна – но это вовсе не значит, что я получаю от них удовольствие...

– Свободу маневра? – насмешливо переспросил Питер. – Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку легионов своих сардаукаров – и это будет концом барона Владимира Харконнена.

– Тебе бы это понравилось, а, Питер? – усмехнулся барон. – Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардаукаров разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

– Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?.. – прошептал Питер.

– Тебе бы быть башаром в Корпусе, – процедил барон. – Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

¹ В конце концов! (фр.)

Питер сделал пять странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

– Не надо шутить с Питером, барон, – негромко сказал Питер. – Вы обещали мне леди Джессику. Вы мне ее *обещали!*

– А зачем она тебе, Питер? – пробасил барон. – Упиться ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось. Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

– Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, – отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. – Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

– А как насчет герцогова отпрыска, дружок? Юного Пола?

– Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, – пробормотал Питер.

– Я о другом, – нахмурился барон. – Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой ментат ошибся?

– Я ошибаюсь нечасто, мой барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. – Этого, по крайней мере, вы отрицать не можете – я ошибаюсь очень нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

– Дядя, – вмешался Фейд-Раута, – ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

– А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, – поднял брови барон. – Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся – темная тень среди теней.

– Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

– Но, дядя...

– Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, – но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но – все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

– Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?

– Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне совершенны и у них есть свои ограничения.

– Вы уже подыскали мне замену? – поинтересовался Питер.

– Замену – тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?

– Там же, где вы нашли меня, мой барон!

– Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, – спокойно сказал барон. – В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..

– Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?

– Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду возражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...

– Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! – воскликнул Питер. – Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рауту...

– Вот именно, – кивнул барон. – Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.

Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам – родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.

– Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» – устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это – весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрали на недурную мысль с этими их думающими машинами...

– Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! – огрызнулся Питер. – Даже вы, барон, могли бы обставить *те* машины...

– Возможно, – махнул рукой барон. – Ну хорошо. А теперь... – Он сделал глубокий вдох и рыгнул. – А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.

– Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...

– Предоставь решать это мне, – оборвал барон. – Я приказываю, ментат, – а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.

– Как будет угодно, – пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. – Итак: через несколько стандартных дней герцог Лето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их, вероятнее всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфир Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что оборонять Арракин несравнимо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – поднял палец барон. – Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех – третьи.

Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».

– Имеются, однако, и иные возможности, – продолжал Питер. – Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...

– Герцог слишком горд для этого, – возразил барон.

– Но тем не менее такая вероятность существует, – ответил Питер. – Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

– Нет! – проревел барон. – Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

– Вероятность этого весьма высока, – кивнул Питер. – Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

– Ну хорошо, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер, да не тяни.

– В Арракине, – отчеканил Питер, – герцог и его двор займут Резиденцию – прежде там проживали граф и леди Фенринг.

– Посол Е. И.В. к контрабандистам, – хохотнул барон.

– К кому? – удивился Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – объяснил Питер. – Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

– Но почему?

– Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, – нетерпеливо сказал барон. – Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, ассасинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-о...».

– В Резиденции, – продолжал Питер, – нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса – кстати, оно может оказаться и успешным.

– Питер! – взорвался барон. – Ты утверждал...

– Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности, – ответил Питер. – Покушение должно выглядеть правдоподобным и хорошо подготовленным.

– Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... – пробормотал барон. – Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью-ведьмой, которая его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

– Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, – сказал Питер. – Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ – и он действительно наш агент. Пало бы – но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор – выпускник Суккской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

– Как? – жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

– Об этом как-нибудь в другой раз, – оборвал барон. – Продолжай, Питер.

– Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта – и дерзость такого предположения, – несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

– На нее? – переспросил Фейд-Раута.

– Речь идет о самой леди Джессике, – усмехнулся барон.

– Ну разве не ловко, не изысканно? – спросил Питер. – Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. – Питер нахмурился и добавил: – Но не думаю, что ему это удастся.

– Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? – осведомился барон.

– Не сбивайте меня, – сказал Питер. – Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... э-э...

– Ничего, ты можешь рассказать ему все, – кивнул барон.

– И мы будем усилены двумя легионами сардаукаров в мундирах Дома Харконнен!

– Сардаукары?! – выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

– Вот видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уха прослышать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома – и начнется хаос.

– Главное тут вот что, – пояснил Питер. – Поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем использовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

– Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, – проговорил барон. – Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала – постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

– Фейд его помнит, – нетерпеливо сказал барон. – Дальше.

– Вы не очень-то любезны, мой барон, – заметил Питер.

– Я сказал – дальше! – проревел барон. Питер пожал плечами.

– Если все пойдет так, как мы запланировали, – сказал он, – через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распорядиться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

– И прибыли возрастут, – кивнул Фейд-Раута.

– Разумеется, – сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и прирученных контрабандистов, привязанных к планете почти так же прочно, как и местные рабочие из поселков...»

– И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, – сказал Питер. – Они узнают.

– Они узнают, – тихо повторил барон.

– И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, – сказал Питер. – Он уже знает. Он чувствует западню.

– Это так, он знает, – проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. – Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жирен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее, так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

– Я проголодался, – пророкотал барон, отер пухлые губы унизированной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. – Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

* * *

Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественной недоступностью девственной богини, поддерживая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

– Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пола. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пол ожидал в соседней комнате – звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходящим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери – и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание – так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе IX. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

– Бедный Пол, – прошептала она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика! – Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

– Что?.. О... – Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. – О чем ты спрашиваешь?

– О чем я тебя спрашиваю?! О чем я спрашиваю! – раздраженно передразнила старуха.

– Да, я родила сына. Так что же? – вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

– Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей – и только дочерей?

– Но для него так важно было иметь сына. – Джессика опять пыталась оправдаться.

– И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха!..

Джессика вскинула голову.

– Я чувствовала, что это возможно!

– Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! – резко возразила старуха. – А его желания здесь ни при чем! Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

– Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, – сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

– А... Что сделано, то сделано.

– Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, – твердо сказала Джессика.

– Ах, как это благородно! – глумливо проскрипела Преподобная. – Она не жалеет! Что ж, посмотрим, что ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына!

Джессика побледнела.

– Неужели другого пути нет?

– И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

– Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем – ведь твои способности больше моих.

– В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем. Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное стремление смешивать – безо всякого плана – свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома – все они лишь щепки в потоке.

– КООАМ, – пробормотала Джессика. – Полагаю, они уже переделали доходы и трофеи с Арракиса...

– КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! – ответила старуха. – Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

– Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, – горько усмехнулась Джессика.

– Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация покоится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник – самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, без феодально-торговой структуры, отвергающей почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

– Щепки в потоке! Вот одна из них – герцог Лето, и вот другая – его сын, и вот...

– Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрасно зная, по какой опасной дороге придется идти.

– «Я – Бене Гессерит. Я живу лишь для служения», – процитировала Джессика.

– Именно, – сказала старуха. – И все, на что мы теперь можем надеяться, – это попытка избежать большой войны... и спасти, что удастся, из выпестованных нами ключевых генетических линий.

Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дрожью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони не потеть. Наконец, проговорила:

– Я заплачу за свою ошибку.

– Но вместе с тобой заплатит твой сын.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать! – воскликнула старуха. – Ты сама знаешь опасность защиты: если ты станешь защищать его слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначения – каким бы оно ни было...

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся за окном сумерки.

– Эта планета – Арракис – в самом деле так ужасна?

– Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что уж совсем безнадежно. Миссионария Протектива неплохо на ней поработала и смягчила нравы ее обитателей... в какой-то степени. – Преподобная Мать тяжело поднялась, расправила складку облачения. – Позови сюда мальчика. Я скоро должна уходить.

– Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

– Джессика, девочка... как бы я хотела поменяться с тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каждой из нас – свой путь.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как любая из моих дочерей... но долг есть долг.

– Я понимаю... долг. Необходимость...

– Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать – я желаю тебе добра, Джессика! – что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой...

Джессика сердито смахнула слезинку.

– Снова ты делаешь из меня маленькую девочку – заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», – выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез... – Я была так одинока...

– Надо бы сделать это одним из наших тестов, – сказала старуха. – Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны...

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

– Пол, зайди.

Пол не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

– Ну, молодой человек, – проговорила старуха, – вернемся к твоим снам.

– Что ты хочешь знать?

– Ты видишь сны каждую ночь?

– Не каждую – если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие – нет.

– А откуда ты знаешь, какой сон ты видел – пустой или достойный запоминания?

– Просто – знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Полу:

– А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

– Да. – Пол прикрыл глаза. – Мне снились пещера... и вода... и девочка, очень худая, с огромными глазами. Глаза – такие... сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе... рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане... – Пол открыл глаза.

– То, что ты рассказывал этой девушке обо мне... сегодня это сбылось?

Пол подумал.

– Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

– Печатью необычности, – беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. – Ответь мне правду, Пол: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

– Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

– Вот как? Ты ее знаешь?

– Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

– Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

– Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы... чего-то ждем... я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться... Она боится, но пытается не показывать мне свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». – Пол открыл глаза. – Правда, странно? Моя родная планета – Каладан, про планету Усул я даже не слышал никогда.

– Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

– Видел. Но... может быть, это она меня называла – Усул? – проговорил Пол. – Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

– Девочка просит меня рассказать ей о водах – о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова – «берег», «прибой», «морская трава», «чайки»...

– Что это за стихи? – спросила Преподобная Мать. Пол открыл глаза.

– Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пола, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу,
И тени – под соснами тени —
Недвижные, чистые, ясные.
И чайки сели на краю воды —
Белые на зеленом.
И ветер прилетел сквозь сосны к нам,
Чтоб тени раскачать под ними;
И чайки крылья распахнули,
Взлетают
И наполняют криком воздух.
И слышу ветер я,
Летающий над пляжем,
И шум прибоя,
И вижу я, что наш костер
Спалил траву морскую.

– Это самое, – подтвердил Пол.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пола, потом сказала:

– Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха – мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность – но не более.

Она замолчала. Пол понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал – хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

– Как хочешь... Что ж, что-то в тебе есть наверняка.

– Можно мне теперь уйти? – спросил он.

– Разве ты не хочешь послушать, что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? – спросила Джессика.

– Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

– Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намеки, – подумал Пол. – На самом деле она ничего толком не знает об этом».

– Я слушаю, – сказал он. – Намекни.

– И быть проклятой? – Она криво усмехнулась – маска из морщин... – Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчиниться – тот правит».

Пол изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как «напряжение внутри значения»... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

– Это и есть твой намек? – спросил он.

– Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, – сказала старуха. – Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив – стена на пути ветра. Это – предназначение ивы и ее цель.

Пол взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «предназначение» — и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

– Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, – проговорил он. – Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью – словно он уже мертв. Но он жив!

– Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, – огрызнулась старуха. – Может, нам удастся спасти *тебя*. Сомнительно, но – возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт – ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пол увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессика.

– Ты учила его Пути – это видно. На твоём месте я сделала бы то же самое – и пусть бы черт побрал этот Устав!

Джессика кивнула.

– Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он еще должен узнать и изучить – и следует поторопиться! – Она приблизилась к Полу и пристально взгляделась в него: – Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но если и нет – мы еще добьемся своего.

Снова она посмотрела на Джессика. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нем оставался, словно бы уже покинули ее мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили ее больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день...

* * *

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Дибба не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Дибба были – замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Гурни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-ассасин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ – это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и – разумеется – сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибба для детей»

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Постоял неподвижно, ощутив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», – подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющим через стеклянные панели в потолок, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» – Хават кашлянул.

Пол не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками – комнату пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пол выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пол поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

– Я слышал твои шаги в коридоре, – сказал Пол. – И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

– Эти звуки можно и скопировать.

– Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, – подумал Хават. – Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу – призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пола – подчеркнуто лицом к двери, – откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым – почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним – латаный-перелатаный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», – подумал Хават.

– Суфир, о чем ты думаешь? – спросил Пол. Хават посмотрел на подростка.

– Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

– Это тебя печалит?

– Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место – это всего лишь место. –

Он тронул разложенные на столе карты. – И Арракис – это просто другое место, и только.

– Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика – даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

– Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

– Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

– Бури. Да...

– Похоже, эти бури – довольно-таки скверная штука.

– Скверная – не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями – всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, – пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...

– Почему там нет службы погодного контроля?

– Тут у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца – не из самых богатых, ты и сам знаешь.

– Суфир, а тебе приходилось видеть фрименов?

«Мальчику есть о чем подумать сегодня», – решил Хават.

– Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые

они носят не снимая. Дистикомб – «дистилляторный комбинезон», костюм – перегонный куб, который собирает и утилизирует выделяемую телом влагу.

Пол сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу собственных выделений, поразила его. Пол вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

– Вода там – драгоценность, – вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удастся внушить ему, что Арракис – его враг. Там необходимо все время быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пол взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому стеклу струилась вода.

– Вода... – сказал он.

– Ты еще научишься ценить воду, – пообещал Хават. – Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты – сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда...

Пол провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде...

«Ты узнаешь о Мертвых равнинах, – сказала тогда она, – дикой пустыне, где нет ничего живого – лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих – без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле».

И ее тон – она говорила нараспев особым вибрирующим голосом – сказал ему больше, чем слова.

«На Арракисе, – говорила она, – *кхала!* – земля пустынна, луны – твои друзья, а солнце – враг».

В тот момент Пол почувствовал за спиной мать – она подошла, оставив свой пост у дверей.

«Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная?» – спросила она.

«Для его отца – нет. – Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пола. – Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах... – Она подняла четыре узловатых пальца. – Это – познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре – ничто... – она сжала пальцы в кулак, – ...без правителя, владеющего искусством управления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..»

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в тренировочном зале рядом с Суфиром Хаватом, Пол ощутил внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

– Где ты сейчас витал? – спросил Хават.

– Ты видел Преподобную Мать?

– Императорскую ведьму-Правдовидицу? – В глазах Хавата зажегся интерес. – Видел.

– Она... – Пол запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании.

Запрет проник глубоко.

– Что она?

Пол сделал два глубоких вдоха.

– Она сказала одну вещь... – Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. – «Ты, Пол Атрейдес, – потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». – Пол открыл глаза. – Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел

бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз – ты, мать и многие другие...

– В общем, все верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем мы летим туда? – сердито спросил Пол.

– Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пол опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться. *Она наложила на меня некий запрет. Но как?*

– Она спросила меня, что, по-моему, значит править, – ответил он. – И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему научиться.

«А старуха-то, в общем, дело сказала», – подумал Хават и кивком сделал Полу знак продолжать.

– Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.

– Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? – спросил Хават.

Пол пожал плечами.

– Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете – свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

– И как ей это понравилось?

– Мне показалось, она просто взъерилась. Сказала, что таинство жизни – это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, слиться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило – более или менее.

«Кажется, он с этим справится, – думал Хават, – но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

– Суфир, – спросил Пол, – на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?

– Так плохо не будет, пожалуй, – ответил Хават, вымучивая улыбку. – Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... – Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, – и они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Но учти, ни слова об этом, мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что считаю тебя помощником и опорой твоего отца...

– Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, – проговорил Пол. – Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом – в целом звучит похоже.

– Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, – возразил Хават. – Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

– Как ты думаешь, фримены нам помогут?

– Возможно. – Хават поднялся. – Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей – сядь по другую

сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пол тоже встал, обошел стол.

– Ты летишь сегодня?

– Я – сегодня, ты – завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. – Он сжал правую руку Пола выше локтя. – Держи правую руку свободной – чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. – Он отпустил руку, потрепал Пола по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

– Суфир! – окликнул его Пол. Хават оглянулся.

– Не садись спиной к дверям, – сказал Пол. Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

– Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться. – И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пол сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, – подумал он, обводя взглядом зал. – Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше. Он вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир – это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой – неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое – «теперь»? – спросил он себя.

Дверь напротив Пола с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

– А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? – спросил Пол.

Халлек пинком захлопнул дверь.

– Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, – сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «проверено».

Пол смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку – рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

– Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброе утра»! – воскликнул он. – Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пол ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина-трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

– Не хочешь говорить со мной – и не надо, – заявил он.

Пол встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

– Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

– Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, – скорбно отозвался тот. Потом взял для пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пол. – Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

– Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, – объяснил Халлек. – Так что все, что у тебя осталось, – это бедняга Гурни, никудышный вояка и портач в музыке... – Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. – Короче, на совете решили: раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

– Тогда, может, споешь мне балладу? – предложил Пол. – Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

– Ах-ха-ха! – рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе,
А арракинку за воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

– Не так уж плохо для такого жалкого брэнчалы, – сказал Пол, – но если бы мать услышала, что за похабщину ты тут, в замке, распевашь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

– Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое – они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

– Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, – сказал Пол, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. – Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

– Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

– Мечь моя будет страшна!

Пол выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

– Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, – нараспев произнес Пол. – Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. – Пол щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. – «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, но медленным в нападении, – продекламировал Пол. – Атака имеет единственную цель – заставить противника сделать неверное движение, заставить открыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» – Пол перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

– Со скоростью удара все в порядке, – отметил он. – Но ты полностью открылся для удара слиптипом снизу.

Пол с досадой отступил.

– Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, – продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. – Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

– Просто я сегодня не в настроении, – буркнул Пол.

– Не в настроении?! – Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. – А при чем тут твое настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение – это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

– Извини, Гурни. Я не прав.

– Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

– А теперь – защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пол парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? – удивился он. – Он всерьез атакует!» Пол тряхнул левой рукой – из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

– Что, одной рапирой не управиться? – хмыкнул Гурни. – То-то!

«Неужели предательство?! – спросил себя Пол. – Нет, только не Гурни – он на это не способен!»

Они кружили по залу – выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спертым – воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пол продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, – подумал Пол. – Ну, Гурни, еще один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пол отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пол прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

– Ты этого хотел? – прошептал он.

– Посмотри вниз, мальчик, – проговорил сквозь одышку Халлек.

Пол опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола – он почти касался паха Пола.

– Мы, так сказать, слились бы в смерти, – сказал Халлек. – Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. – И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

– Ты так набросился на меня... – Пол взглянул Халлеку в глаза. – Ты в самом деле хотел пустить мне кровь?

Халлек убрал кинжал и выпрямился.

– Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хор-рошую отметину – шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский бродяга.

Пол отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

– Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

– Ну, что до этого, – возразил Халлек, – то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца – герцог накажет меня только в том случае, если я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пол выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

– То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, – добавил Халлек.

Пол кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пол вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копиях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, – может, так же больно, как самому Полу во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неудобным...

– Наверно, я и в самом деле настроился на игру, – признал Пол. – А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри его жила боль, словно какой-то нарыв, – все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности, и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»²

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

– Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончились. Завтра мы летим на Арракис. Арракис – это не игра, это реальность. Харконнены – тоже реальность.

Пол, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба. Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

– А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой зловерной штукой. Я буду управлять ею отсюда – здесь мне будет лучше видно. И предупреждаю – сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пол приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

– Ан гард!³ – скомандовал Халлек, и манекен начал атаку. Пол включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я – словно хорошо сформированное садовником плодородное дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня – все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру – ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва – умерла в

² Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

³ Внимание! (*фр.*, *фехт.*)

солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки... или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить это, огорчило его.

Пол отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе⁴.

«Вот ловкий чертенок! – подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пола. – Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дункана, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека.

Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

– «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети...» – пробормотал он.

Эту поговорку часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

* * *

ЮйЭ (произносится как «ю-Э»), Веллингтон (Станд. 10082 – 10191). Доктор медицины, выпускник Суккской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 – 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское] и: Предательство, Великое (Предательство ЮйЭ).

Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан

Хотя Пол услышал, как в зал вошел доктор Юйэ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Гурни Халлеком.

– Вы удобно устроились, – сказал Юйэ своим спокойным высоким голосом.

Пол поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

– Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, – сказал Юйэ. – Скоро должен прийти ваш отец.

Пол сел.

– Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп – во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

– О...

Пол начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

Юйэ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, – я делаю для того, чтобы эти звери – Харконнены – не мучили больше мою Уанну».

Пол, застегивая куртку, тоже сел за стол.

⁴ Букв.: «вплетение» (фр., *фехт.*).

– Что я буду изучать по пути на Арракис?

– Ах-х-хх... наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты – некоего доктора Кинеса – и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И Юйэ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

– Там будет что-нибудь о фрименах? – спросил Пол.

О фрименах? Юйэ побарабанил пальцами по столу, заметил, что Пол удивленно смотрит на этот нервозный жест, убрал руку.

– Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? – спросил Пол.

– А? Да, разумеется, – ответил Юйэ. – Оно делится на две основные группы – на фрименов и население грабенов, впадин и котловин – там они называются чашами. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают фрименских мужей, а их мужчины охотнее женятся на фрименках. У них есть поговорка: «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость».

– У вас есть снимки фрименов?

– Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

– Мутация?

– Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.

– Чтобы жить на краю Пустыни, фримены должны быть храбрыми людьми.

– Да, это общепризнано, – согласился Юйэ. – Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины так же свирепы, как и мужчины. Даже дети фрименов суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволят общаться с ними...

Пол смотрел на Юйэ; за несколькими скупыми словами о фрименах скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

– А черви? – спросил Пол.

– Что?..

– Я хочу больше узнать о песчаных червях.

– Ах-х-х, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них – небольшой экземпляр, всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съемки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пол взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

– Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни. Это из-за червей?

– И из-за ураганов.

– Но любое место можно сделать пригодным для жизни.

– Если это осуществимо экономически, – поправил Юйэ. – На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... – Юйэ пригладил свои вислые усы. – Н-ну, ваш отец скоро должен быть здесь. Однако прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пола.

Пол посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

– Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листочком. – Он поднял книгу, продемонстрировав их. – Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок – вот так, – выбранные страницы отталкиваются друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

– Она такая маленькая...

– Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок – вот так, – и... заряд переворачивает страницы одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. – Он закрыл книжечку, протянул ее Полу: – Попробуйте.

Глядя, как Пол изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

– Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, – сказал Пол.

– Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счесть, что вам еще рано получать такие ценные вещи.

И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».

– Но... – Пол закрыл книгу, подержал ее в руке. – Если она такая ценная...

– Доставьте удовольствие старику, – сказал Юйэ. – Мне ее подарили, когда я был совсем юным. – И он подумал: «Я должен завладеть его воображением – и пробудить в нем страсти». – Откройте книгу на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод положено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя – она отмечает это место.

Пол ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

– Прочтите вслух, – попросил Юйэ. Пол облизнул губы и начал:

– «Глухой не может слышать – задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

– Прекратите! – крикнул вдруг Юйэ.

Пол оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» – Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пола.

– Извините, – сказал Юйэ. – Это было... любимое место... моей... покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот... Он приносит мучительные воспоминания.

– Тут две бороздки, – сказал Пол.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

– Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, – сказал Юйэ. – В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем – хорошая этическая философия.

Пол взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна... что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его... ужасное предназначение.

– Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, – сказал Юйэ. – Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пол тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пол испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

– Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, – проговорил Пол официальным тоном. – Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня – прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

– Мне... ничего не нужно, – сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика... хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

* * *

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диб? Человеком исключительной теплоты и поразительной холодности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его – верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его – человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

Пол смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда при встречах с отцом, Пол ощутил исходящее от него чувство присутствия – это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

– Усердно занимаешься, сын? – спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, – подумал он. – На Арракисе отдыхать уже не придется».

– Не слишком усердно, – признался Пол. – Все это верно... – Он пожал плечами.

– Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суету позади...

Пол кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери: «...твоего отца не спасет ничто».

– Отец, – спросил Пол, – Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор – так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это – мой сын».

– Да, там будет опасно, – признал он.

– Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фрименов, – сказал Пол и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?»

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

– Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КООАМ – «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» – Картеле негоциантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

– КООАМ контролирует Пряность, – сказал Пол.

– И Арракис – источник Пряности – это наша дорога в КООАМ, – кивнул герцог. – Однако КООАМ – это не только меланжа.

– Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? – выпалил вдруг Пол. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

– Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя поджидающими на Арракисе опасностями, – сказал герцог. – Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

– А она знает о фрименах?

– Да. И о многом другом.

– О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому – умению обращаться с опасными фактами – мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить – хотя мальчик еще так юн...»

– А вот о чем. Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ, – сказал герцог. – Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры – самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это – ничто рядом с меланжей. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать – ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

– Теперь мы ее контролируем?

– Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара – от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

– В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжи, получит сверхприбыль, – отозвался Пол, – а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким пронизательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

– Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

– Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

– Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, – сказал герцог. – Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию – нельзя же позволять разорять себя! – Жесткая улыбка искривила губы герцога. – Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

– Даже если бы против нас применили атомное оружие?

– Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

– Тогда зачем мы идем на это?

– Пол! – Герцог неодобрительно посмотрел на сына. – Знать, где ловушка, – это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот – внутри третьего, один финт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжу, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

– И кто же это?

– Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пол попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

– А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

– Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пол. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед Ландсраадом сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, – это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

– Все Дома могли бы запастись Пряность.

– У врагов слишком большая фора.

– Император... – протянул Пол. – Это значит – сардаукары.

– И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, – кивнул герцог. – Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.

– Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?

– Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?

– Императорской планете-каторге? Нет.

– Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?

– С планеты-каторги?

– Почему бы и нет?

– Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...

– Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары – просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны – войска Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и рекруты-новобранцы. Новобранцы, Пол. А сардаукары остаются сардаукарами.

– Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!

– Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?

– Но как добиться верности от таких людей?

– Для этого есть проверенные способы: игра на их чувстве собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания... Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.

Пол кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.

– Взгляни на Арракис, – негромко сказал герцог. – За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.

Глаза Пола широко раскрылись.

– Фримены!

– Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены – там... и там – Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис – даже зная, что там – ловушка?

– А Харконнены разве не знают о фрименах?

– Харконнены издевались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов – тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.

Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.

– Теперь ты понимаешь?

– Мы уже ведем переговоры с фрименами, – утвердительно сказал Пол.

– Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, – ответил герцог. – Дункан – человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...

– Дункан Достойный, – проговорил Пол, – и Гурни Доблестный.

– Ты их хорошо назвал, – кивнул герцог.

И Пол подумал: Гурни – один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

– Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, – сказал герцог.

– Да? А мне он говорил совсем другое.

Герцог громко рассмеялся:

– Могу себе представить, как... скупой хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.

– Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием – подлинное искусство.

– Гурни – романтик, – проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. – Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. – Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пол подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, – и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

– Правда ли, что корабли Гильдии – самое большое из всего, построенного людьми? – поинтересовался Пол.

Герцог перевел взгляд на сына.

– В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнере, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер – самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма – мы будем лишь небольшой частью груза.

– А нам нельзя будет покинуть наши корабли на хайлайнере?

– Это – часть той цены, которую мы платим за гарантируемую Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

– Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

– Не увидишь. Даже агенты Гильдии никогда не видели ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пол, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

– А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

– Кто знает? – пожал плечами герцог. – Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пол смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

– Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

– Хават тоже так считает. Это правда.

– Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... – Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. – Понятно, – сказал он.

– Приходит день, – вздохнул герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него. Некоторые могут продолжать, другие же – нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пол потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса – все это он увидел по-новому.

– Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, – сказал отец. – А герцог-ментат действительно был бы грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пол не колебался:

– Я буду продолжать занятия.

– Настоящей грозой... – пробормотал герцог, и Пол увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пола: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пол опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

* * *

*Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионерии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь *ut extremis*⁵ личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Канто и Респонду и большую часть Паноплиа Профетикус, относящихся к Шари-а). И*

⁵ До предела, полностью (лат.).

теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.

Принцесса Ирулан. «Арракинский кризис: анализ». Только для внутреннего пользования – средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: AP-81088587

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными горами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрей-десов.

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенью резные потрескавшиеся панели, глубокие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки – Джессика была уверена, что их доставили на Арракис изда-лека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было дере-вьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла. Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харкон-ненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога – отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мятой бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулками сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя, вызывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи – голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуве-ренной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение – по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но небо в этих широтах казалось темным и холодным – намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. *Ты так далеко отсюда, Каладан!..*

– Вот и приехали! – Это был голос герцога Лето.

Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запыхлел.

– Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, – улыбнулся он.

– Да, это очень неприветливый дом, – ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуглое лицо вызвали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломаные черты придавали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решился исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовым, диким!..

– И весь город такой неприветливый, – сказала она.

– Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог. – Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

– Впрочем, это все – официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле – они куда приятнее. – Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любуясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо – овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза – зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот – крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со сглаженными худобой формами.

Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее «кожа да кости» – во всяком случае, так сообщили его агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пол похож на нее.

– А где Пол? – спросил он.

– Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

– Ну, тогда это в южном крыле, – кивнул герцог. – Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. – Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: – Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ – значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

– Когда мы входили, я видела над домом наш флаг.

Герцог взглянул на портрет:

– Где ты собираешься его повесить?

– Здесь, наверное.

– Нет. – Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало – даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

– Милорд, – сказала она, – если только...

– Все равно – нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем – но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

– Милорд, я прошу...

– Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

– Да, милорд.

– Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

– Благодарю, милорд.

– И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо, что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Они кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

– Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, – заметил он. – Переносной установили в твоих покоях.

– Вы предвидели эти... разногласия, – утвердительно сказала она.

– Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил – все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

– Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

– Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

– Шэдаут, – повторила Джессика. – Это фрименский титул?

– Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» – этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить – причем служить тебе.

– Мне?

– Фримены прознали, что ты из Бене Гессерит, – объяснил он. – Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

– Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? – спросила она. – Фримены будут нашими союзниками?

– Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

– Фрименка-домоправительница, – задумчиво проговорила Джессика. – У нее, конечно, совершенно синие глаза...

– Пусть тебя не обманывает их внешность, – сказал герцог. – В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

– Это опасная игра.

– Давай не будем к этому возвращаться.

Джессика заставила себя улыбнуться.

– В любом случае, мы уже вовлечены в эту игру – в этом-то, по крайней мере, сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия – два глубоких вдоха, произнесенная формула – и сказала:

– Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

– Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, – заметил он. – Как ты отбрасываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, бене-гессеритские хитрости?

– Женские, – ответила она. Он улыбнулся.

– Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфиры парни проверили каждую щель.

– В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

– И проследи, чтобы все наши часы установили по арракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

– А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй челнок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

– Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

– Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь – при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на челноке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии...

– Милорд... – Она запнулась, не решаясь продолжать.

– Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, – думала Джессика. – И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

– В какое время вы желаете обедать? – спросила она.

«Она не это хотела сказать, – понял он. – Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше от этого ужасного места – вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!..»

– Поем в офицерской столовой на космодроме. – Он махнул рукой. – Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Полом машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще доносились звуки разгрузки. Слышно было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

– Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым – едва ли старше, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она сжала кулаки.

– Будь ты проклят! Проклят! Проклят! – прошептала она.

– Что прикажете, высокородная госпожа? – Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как

и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза – темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась – такой кивок могло бы отвесить боевое копьё:

– Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

– Можете называть меня «миледи», – сказала Джессика. – Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето – я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

– Значит, есть еще и жена?

– Нет и никогда не было. Я – единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум приказывает себе – и встречает сопротивление...» Да – и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-сусуук! Су-су-суук! Икккут-эй!..» – и вновь: «Су-су-суук!..»

– Что это такое? – спросила Джессика. – Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

– Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... – Женщина взглянула на свое платье. – Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! – Она хихикнула. – И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилom богатства здесь была вода.

– Мой муж говорил мне о вашем титуле – Шэдаут, – сказала Джессика. – Я знаю это слово. Оно очень древнее...

– Значит, вы знаете древние языки? – спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

– Языки – первое, чему учат в школах Бене Гессерит, – ответила Джессика. – Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

– Точно так, как сказано в легенде.

«Почему я участвую в этом мошенничестве? – спросила себя Джессика. – Но пути Бене Гессерит извилисты и запутанны, и кто восстанет против их силы?..»

– Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, – промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла много сказавшие ей знаки, уже более очевидные. – Мисецес преяя, – провозгласила Джессика на чакобса. – Андрал т'ре перал Трада цик бусаккри мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

– Мне многое ведомо, – продолжала Джессика. – Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершала насилие – и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

– Я не хотела обидеть вас, миледи, – тихо сказала Мэйпс.

– Ты говоришь о легендах – и жаждешь ответов, – сказала Джессика, – но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовься к насилию, с оружием на груди. Так?

– Госпожа моя, я...

– Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, – тем же тоном сказала Джессика, – хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть, – ты знаешь это, – даже и для целого народа.

– Госпожа! – взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. – Госпожа, это оружие было послано вам в дар – если будет свидетельство, что вы – это Она, Та, кого мы ждем...

– Или же как орудие убийства – если окажется, что это не так, – утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной рукой, рукоять – другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

– Знаете ли вы, что это такое, миледи? – спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь – легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и рассказам.

– Это крис, – сказала она.

– Не говорите об этом так просто, – сказала Мэйпс. – Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фрименка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она назвалась Шэдаут – на чакобса. Нож на чакобса будет «податель смерти»... *Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...*

– Это – Податель...

– Эйи-и-ии! – воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призвав на помощь все свое самообладание. Она хотела сказать, что нож – это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела – все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель. *Податель?* Податель...

Но Мэйпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

– Ты полагала, – промолвила Джессика, – что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мэйпс опустила нож.

– Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

– Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. Неделя вдали от тела – и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шай-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

– Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкусивший крови!

Вздвигнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

– Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает!.. Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, – отметила Джессика. – Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

– Застегнись, Мэйпс.

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишённые белого цвета – сплошь синева – глаза не мигая смотрели на Джессику.

– Ты – наша, – бормотала она, – ты – Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

– Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! – прошептала она. – Ты знаешь это, госпожа!

«Теперь знаю», – подумала Джессика.

Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал. Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

– Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. – Мэйпс глубоко вздохнула. – Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... – Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. – Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионарии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! – Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. – Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис – в самом деле страшное место!..»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

– С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

– Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене.

Мэйпс подошла к бычьей голове.

– Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась поближе. – Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.